

Глава 1

Издевательски яркий лучик солнца скользнул сквозь защищенное заклинанием стекло и нагло уперся в преподавательский стол, иногда срываясь в глаза. Блики и всполохи окрасили всю аудиторию невообразимо желтым калейдоскопом, от которого хотелось зажмуриться и срочно бежать куда-то, да вот только — куда?

Скрипели перья — у особо правильных и старомодных студентов, — кто-то писал карандашами. Несколько, из особо богатых семей, даже пользовались чем-то безымянным, но крайне удобным, называя его сами, впрочем, удивительным словом «ручка», — и у них получалось на удивление быстрее. Впрочем, говаривали, подобное изобретение было под силу одним лишь волшебникам. И хотя на территории магического университета находились именно они, отчего-то не спешили использовать полученные при учебе умения по настоящему, только косились на чужие достижения и недовольно, раздраженно вздыхали: мало ли, у кого-то получится лучше, кто-то что-то отберет...

Под потолком нудно скрипели часы: удивительное сочетание шестеренок и какой-то чудной одной-единственной стрелки. При виде солнечного луча стрелка странным образом оживилась и завертелась словно сумасшедшая. Не прошло и мгновения, как часы зако-

лотили, словно сигнал тревоги, оглашая время завершения экзамена.

Студенты даже не пошевелились. Двоечники нагло пытались списывать, те, кто хоть что-то знал, лихорадочно строчили в своих свитках. Все-таки курс хоть и не выпускной, третий, но по этой работе преподаватели могли определить, кому отдать предпочтение, выбирая себе подчиненных — кандидатов на бакалаврскую работу.

Один из преподавателей, высокий маг в странных очках — их стекла сверкали на солнце так, словно были сотворены из драгоценных камней, — даже не содрогнулся, когда забили часы. Он только склонился ниже над бумагами, разложенными перед ним на громадном экзаменационном столе.

Несколько листов уже даже успело прикрыть билеты, какая-то бумажка торчала из журнала успеваемости. Аспирантка, то и дело встряхивающая головой, чтобы длинные пряди темных волос не падали на глаза, поспешно чертила на бумаге карандашные пометки. Перья и чернильница не вызывали у нее совершенно никакого интереса — как и металлические «ручки», то самое изобретение для богатых. Они валялись повсюду, в самом непотребном положении: не в футляре, как полагалось, не перевязанные лентой, без чернил, еще и, кажется, готовые вот-вот упасть со стола.

Преподаватель то и дело пытался вырвать у аспирантки из рук карандаш и внести в тщательно исправляемую формулу заклинания какие-то свои изменения. Она спорила, что-то доказывала, срываясь с шепота на достаточно громкое шипение. Казалось, о тишине они не заботились вовсе, о том, чтобы студенты не вздумали списывать, — тем более.

Мужчина то и дело потирал подбородок, поправлял свои драгоценные очки с магическим виденьем и пы-

тался всмотреться в формулу. Его долговязая и невообразимо худая фигура казалась подобной крюку, когда он вскакивал и нагибался над столом. Обычно когда он выпрямлялся, студенты с хохотом величали его «палкой», но сегодня, в день экзамена, им не было никакого дела до внешности одного из будущих наставников.

Второго преподавателя часы вообще не интересовали, как и наука, — он раздраженно смотрел в потолок, словно кто-то его заставлял маяться здесь с молодыми магами, и периодически насвистывал себе под нос. Ноги он закинул на стол, не озаботившись вытереть ботинки и привести их в надлежащее состояние, руки сложил на груди, а к аспирантке и ее научному руководителю поворачивался с оценивающим взглядом, кажется, исключительно ради того, чтобы в очередной раз отметить — мысленно, правда, — что таким симпатичным девушкам в науке делать нечего.

Аспирантка, кажется, об этом знала. То, тряхнув головой, нарочно задевала волосами его лицо — мужчина фыркал, словно кот, но с места не сдвигался, — то роняла что-нибудь особенно тяжелое ему на ноги, но ни разу не посмотрела и даже не обратилась к нему. На часы она отреагировала так же равнодушно. До студентов ей уж тем более не было никакого дела.

Но сдалась она, впрочем, первой: повернулась к мужчине и раздраженно кашлянула, показывая, что в курсе, что ее наглым образом рассматривают.

— Раз уж вы отвлеклись от внимательнейшего изучения фасона моего платья, — протянула она мягким, вкрадчивым голосом, — то, может быть, уделите внимание также и часам? Господин профессор, пыхтя над их созданием, вне всяких сомнений, очень потрудился, да и новая система исчисления — это очень

интересно. Но они взбесились от прямого попадания солнца. А значит, совершенно непригодны летом.

— Лень вставать, — равнодушно, абсолютно игнорируя присутствие остальных в комнате, сообщил преподаватель. — Стары уж мои кости стали.

Аспирантка смерила его насмешливым взглядом.

— Несомненно, когда вам исполнится тридцать лет, придется выстраивать могилу — вы ведь рассыплетесь тогда на куски. Когда, напомните мне, сия великолепная дата? Через месяц, посреди лета? Я обязательно напомню господину проректору...

— Вы слишком много себе позволяете. Вы здесь только аспирантка.

— Разумеется, — довольно кивнула она. — Я так и передам профессору Хелене, господин Сагрон.

Мужчина закатил глаза, но встал. Профессор Хелена была опасной женщиной во всех пониманиях этого слова, а уж если рассматривать ее не как начальство, а как разъяренную мать одной излишне настойчивой аспирантки, то беды и вовсе не оберешься. Сагрон все еще искренне верил в то, что сумеет связать свое будущее и успешную карьеру с наукой, а туда без работы в университете путь был заказан. Мадам же Хелена Ольи умела и на место поставить, и загнать в тупик, а самое отвратительное — обладала поразительным умением лишать твердой земли под ногами одним только своим пристальным взглядом. Змея змеей! Вот только научному руководителю своей дочери, Ролану, почему-то благоволила.

Сагрона же — терпеть не могла. Это он чувствовал. Одно «доцент Дэрри» в ее исполнении подразумевало что-то вроде «Еще слово — и будешь хуже аспиранта». И власти у нее на такое хватило бы с головой.

Студенты писали все увереннее и увлеченнее. Сагрон, впрочем, вполне логично подозревал, что причи-

ной тому были выгащенные шпаргалки — «светлячки», как величали их студенты, поминая незлым словом самое сложное и самое запретное заклинание из всего курса боевой магии, до которого им удалось добраться. Вопреки безобидному названию, подобные чары могли взорвать едва ли не половину города, но требовали, соответственно, столько же силы. Резерв, резерв и еще раз резерв — даже если весь третий курс соберется вместе и попытается воспользоваться подобными чарами, у них вряд ли получится достойно, «светлячка» не хватит и на несколько метров в окружности.

Вот если круг архимагов, да все вместе, без всяких щелей в собрании, а еще — использовать концентратор...

Но шпаргалки ничего общего с настоящим «светлячком» не имели, разумеется. Просто студенты, понимая, какой взрыв будет, если на выпускном экзамене что-то подобное обнаружат, обозвали их в честь заклинания лет двадцать назад, и словечко прицепилось. Правда, третий курс сдавал не выпускные экзамены, а обыкновенные, закрывал сессию, но это никого не волновало. «Светлячки» — они всюду «светлячки».

Сагрон все еще хорошо помнил, как сам их писал ночью при свете хиленькой волшебной лампы, и воспоминания, надо сказать, были не самыми приятными: с той поры еще и глаза пришлось лечить, ведь «светлячки» заполнялись мелким-мелким почерком с добавлением волшебства. У Ролана (они учились на одном курсе в старые добрые времена, даже дружили — удивительно, но факт) зрение сильно село, хотя Дэрри очень сомневался в том, что на самом деле его коллега вообще умел заниматься подобным нарушением закона — списыванием и использованием шпаргалок. Ну да и пусть не пользуется, зря, к слову, — потому что

вещь поразительно полезная! И если кто-то из нынешних студентов ленится таковым заниматься — его проблемы, но, по правде, дурак дураком!

Доцент скривился. Часы наладились только после пятого маленького толчка по боковой стенке — магия на них не срабатывала. Их заведующий, профессор Куоки, изобрел сии часы, защищая докторскую диссертацию, и до сих пор вся кафедра боевой магии думала-гадала, каким это образом он умудрился с подобной работой вообще пройти совет. Раздражал Куоки всех без исключения, от студентов до профессора Ольи, но заменить было некем — ни единого больше доктора магических наук у них на кафедре не наблюдалось. Хелена не в счет — быть проректором и одновременно заведующей фактически невозможно и возбраняется законом.

Извилистая стрелка на часах вывернулась, вытянулась вниз и попыталась укунить Сагрона за руку. Он раздраженно скривился и жестом приманил скатерку, сброшенную с экзаменаторского стола — Ролан и его Элеанор, аспирантка, видите ли, не могли работать в подобных условиях.

Скатерка зашипела: Сагрон ей не нравился, особенно благодаря привычке укладывать ноги на стол, не озаботившись предварительно очисткой ботинок или сапог, а заодно и какой-нибудь салфеткой, которую неплохо бы подложить, дабы ничего не запачкать. Но часы скатертью было накрывать более чем удобно — а они, узрев отсутствие солнца, моментально перестроились в спящий режим, прокуковали студентам, что наступила ночь, и захрапели.

— Да чтоб вас! — раздраженно прошипел Дэрри. — И как он защитился?!

Ролан и Элеанор окончательно забыли о приличиях. Их громкие попытки доказать что-то друг другу

перешли уже в крик — правда, крик шепотом, но студенты все равно слышали практически каждое слово. При этом преподаватели столь активно жестикулировали, что становилось страшно за их глаза: не попадут ли, часом, пальцами куда-нибудь в лицо. По крайней мере, у Лантона были его очки, сверхпрочные, а что ж девушка?

Дэрри принялся блуждать между рядами, косясь в листы студентов. Оставалось около получаса работы, и все старательно отвечали на положенные вопросы с таким упорством, что перья скрипели будто бы очумелые.

Сагрон остановился в самом конце экзаменационного кабинета, глядя на низко склонившиеся головы студентов. Прелестная картина — наблюдать за тем, как они работают, особенно учитывая тот факт, что работающими студентов вообще трудно увидеть. Этот третий курс был неплохим, бакалаврскую, наверное, защитят если не все, то хотя бы большинство, но у Сагрона все равно возникали определенные сомнения относительно их умственных способностей.

Зато в данной группе был хоть какой-то намек на дисциплину. На соседней кафедре пророческих искусств, говорят, студенты разбили громадный Шар Прорицателя, который весил, как три толстяка, и к тому же стоил громадную сумму денег. Правда, к счастью, в итоге оказалось, что это был муляж, а настоящий Шар закрыт в кладовой, около которой каждый день дежурит ни о чем не догадывающийся магический патруль, — но сие не имело значения.

Эти вроде бы не пили, больше половины из них были местными, из города или его окрестностей, что для их факультета и кафедры и вовсе казалось удивительным. В университет магии поступало много ино-

городних. По крайней мере, именно они обычно забивали большую часть общежития. Городским, разумеется, позволялось жить у себя дома: учебное заведение открытого типа и бюджетное, ни о каком активном финансировании и речи не шло — потому, если есть шанс избавиться от студента в государственных стенах, следовало им воспользоваться.

Хорошо хоть, без недоборов! Сагрону повезло, он работал на факультете боевой магии и заклинаний, и здесь хотели учиться практически все! Кто сказал, что их выпускникам так легко потом живется? Но сколько бы ни пытались объяснить поступающим, что жизнь боевика опасна и трудна, никто не верил!

И лучше всего на их факультете жилось именно кафедре боевой магии и проклятий, той самой, на которой трудился Сагрон. Ни у кого в университете не было такого количества студентов и такого конкурса при поступлении. Дэрри поражался, как при высокой конкуренции среди учащихся потом оказывалось столько двоечников и лентяев. Зато группы большие.

Кафедры других факультетов с замечательными, редкостными специальностями и специализациями, с преподавателями высшего класса набирали от силы пять-десять студентов. Боевые маги же получали лицензию на пятьдесят человек и каждый год формировали две полнокровные группы. Ну что за люди? Чем вам не лучше изучать магию кулинарии или, скажем, ту же самую природную, такую сложную в исполнении? Но нет! Каждый желает быть боевым магом, каждый желает получать громадную зарплату — а кто из них имеет на то талант?

О том, чтобы обратить внимание на другие университеты, не требующие дара, и речи не шло. Кому надо заниматься математикой, развитием современных

технологий, медициной, кому надо учиться на школьных педагогов, кто хочет трудиться над экономикой и юриспруденцией, если можно идти в маги и ждать, что сверху будет сыпаться серебро-злато?

Веселее было только в университетах искусств. Каждый год будущие писатели и поэты, художники и скульпторы, певцы и танцоры, не имеющие ни капли таланта, осаждали несчастные кафедры, пытались увеличить наборы и побить прошлогодние рекорды, но, к счастью, в основном терпели неудачу и вынуждены были заниматься делом. Многие, правда, все же поступали — и в итоге в городах прибавлялось еще несколько кандидатов в будущие поэтические дворники, танцующие садовники и художественно одаренные чистильщики обуви.

Дэрри покачал головой, отгоняя прочь мысли о предстоящей вступительной кампании. Сначала надо разобраться с этими студентами, а потом уже загадывать на следующих. И у бакалавров скоро начнется период защит, и...

Он вновь попытался избавиться от дурных мыслей и решил выбрать самого старательного студента — на данный момент, разумеется. Обычно именно у таких, что строчат будто бы на пожаре, и прячется шпаргалка. А пользоваться ими столь рьяно не стоит, могли бы хоть продемонстрировать, что задумываются...

Взгляд невольно остановился на старосте. Девушка, казалось, не отрывалась от своего листа. К богатому, как он знал, студентка Арко не относилась, но в руках у нее сейчас была та самая чудная ручка, потому не приходилось отрываться на перо и чернильницу. Сагрон закрыл глаза, представляя себе ровный девичий почерк, в котором вся аккуратность смазывается из-за спешки.

Он подошел поближе и завис у нее над плечом. Где-то здесь должна быть шпаргалка, «светлячок», спрятанный на коленях или в складках одежды... Но она не натянула «списывательное» платье, тот самый фасон, в который обрядилась большая половина девушек, присутствующих в аудитории... Нет, брюки без карманов, не спрячешь, в блузе — может быть, но вряд ли. Туфли? Тоже нет. Хм. Прическа? Но длинными волосами тут могла похвастаться только до мозга костей правильная Элеанор, а у Арко — до плеч... Как там эта прическа называется?

Кажется, как комбинация в картах: каре.

К тому же, сколько Сагрон ни стоял у нее над плечом, медленнее писать девушка не стала, скорее даже напротив. Все быстрее и быстрее, вдобавок не пыталась даже поднять голову и вопросительно на него посмотреть, не спешила задать вопрос, что ему нужно.

Вот-вот должен был зазвенеть колокольчик, извещающий о завершении экзамена — точнее, его письменной части. Сагрон не сдвинулся с места — ждал, когда ей надо будет что-то спрятать. Невозможно идеально выучить боевую магию! Кроме того, он полагал, что девушкам в этой дисциплине делать нечего.

Ольи не в счет. Там и дед, и бабка, потом мать, госпожа Хелена, ее супруг, теперь вот, вне всяких сомнений, Элеанор — в котором поколении они уже трудятся на столичный университет магии? Да, точно так же могла строчить и Элеанор, но в ней-то Сагрон не сомневался: когда она сдавала выпускные, он был аспирантом и присутствовал на экзаменах в качестве ассистента, но точно знал, что Ольи не опустится до списывания на важном предмете. Но Котэсса Арко...

Правда, преподавал у них этот предмет, теорию боевой магии, Ролан. Сагрон же только принимал экза-

мен, потому что официально по нагрузке часы-то числились за ним. И он полагал, что студенты согласятся на любую предложенную оценку, лишь бы только в последний день сессии им никто не морочил голову и не испортил жизнь. Преподаватели сами не собирались в конце лета наслаждаться компанией наглых двоечников, предпочитали обходиться без радикальных мер, потому летом зачетки студентов не переживали такой злостной атаки неудовлетворительных оценок, как бывало зимой. И отчисляли с летней сессии тоже поменьше, да и нельзя сказать, что кого-то в университете это не устраивало.

Зазвенел колокольчик. Зазвенел так, что даже привычный уже Сагрон подпрыгнул на месте — правда, совсем незаметно, — а потом вновь перевел взгляд на Котэссу. А как она хоть учится? То, что староста, Дэрри помнил: девушка приносила ему журнал на подпись, а вот дальше — кто ее знает... Надо бы попросить у Ролана лист с оценками за прошедший год, но так не хочется маяться с этой группой!

Они даже предметами обменялись вне нагрузки вполне добровольно. Ролан ненавидел четвертый курс, он вел там теорию магической относительности, сложный, заковыристый предмет, а группа казалась отвратительной. Щуплого, очкастого доцента они травили. Швырялись мелом, едва ли не плевались в спину, язвительно шипели в спину «Ролочка» и дразнились, как только могли. Увы, но справиться с ними оказалось не под силу даже профессору Куоки, если это, конечно, показатель.

Сагрон согласился. С третьим курсом и боевой магией в нагрузку шла еще и Элеанор Ольи, а быть научным руководителем проректорской дочери — упаси Небеса! Отношения же с четвертым сложились что

надо! Не приходилось даже кричать на надоедливых студентов, обычно хватало прицельно брошенной в толпу колкости. Они поедали оскорбление с легкостью, заглатывали наживку, а потом смотрели в глаза наивно-наивно и откровенно надеялись на то, что доцент Дэрри пожертвует что с барского плеча...

— Сдаем работы, — уверенно провозгласил он, отбрасывая воспоминания. Экзамен все равно принимает лектор, даже если он не вел ни единого часа у студентов и понятия не имеет, кто из них как учится. Он и по имени-то только эту Котэссу и знает — во-первых, почему-то цепляет слух имя, а во-вторых, она у него магией заверяла журнал перед сдачей на самом последнем занятии, когда пришлось явиться пред ясные очи третьего курса и сказать, что экзамен принимать будет он.

Арко почему-то не спешила дрожать. Он простоял над нею до самого того момента, как девушка собрала все листы, на которых писала, сложила их по порядку и, встав, отправилась к столу — не пихать же преподавателю в руки, когда все остальные сформировали на столе неаккуратную стопку?

Сагрон бросил быстрый взгляд на ее место — но нет, ни одного «светлячка». Вообще ничего — только лист бумаги неиспользованный да ручка эта ее. Ну и карандаш сбоку лежит, потому что мало ли — чернила закончатся, не перезаправлять же в срочном порядке волшебством, да еще и при всех.

Он пробормотал себе под нос привычное заклинание, осмотрел магическим взором — пусто! Слово этот «светлячок» под землю провалился, будто и не было его! Что шпаргалки на самом деле могло не быть, Сагрон не допускал: слишком быстро и самоуверенно девушка писала ответ на вопрос. Неужели учила? Интересно, какой там ей билет попался?

— Теперь все вон, буду вызывать по одному.

Он вернулся за преподавательский стол, немного отодвинул Элеанор, но она даже не заметила мужскую ладонь, скользнувшую по ее спине, — вероятно, по той причине, что слишком увлеклась собственной диссертацией, фрагмент которой сейчас и втолковывала Ролану. Ну и пусть — по крайней мере мешать не будут.

— Список вызова появится на двери. Марш отсюда!

Студенты шумной толпой высыпали в коридор, забрав с собой личные вещи. Несколько шпаргалок валялось на полу, но Сагрон только сжег их раздраженным щелчком пальцев — глаза б его не видели эту ерунду! Настолько неумелые, глупые студенты, что не способны даже спрятать элементарную шпаргалку! Грош им цена, таким старателям, — пусть и на глаза бы лучше не показывались, коль неумехи.

Маги! И это называется будущие боевые маги... Он предпочитал не рассуждать ни с кем относительно колоссальных наборов, среди которых настоящих, действительно достойных студентов раз-два и обчелся. Нет толку — никто не станет его слушать, а так можно немного расслабиться на время распределения ставок: есть студенты, значит, есть и нагрузка.

Хорошо, что нагрузкой занимается не Куоки, а кто-то поадекватнее...

Дэрри посмотрел на бумаги и щелкнул пальцами — появился список студентов. Он пробежался по нему быстрым взглядом, а после, подцепив кончиками пальцев фамилию Котэссы, запихнул ее в самый конец — возможно, «светлячок» был скрыт особой магией, так она обязательно развеется. Долгодействующую тут нельзя ставить, поймают, а вот обновлять минутную — пожалуйста, но та за время экзаменации всех остальных сойдет на нет.

— Входите! — громогласно заявил он, и список застыл перед глазами ожидающих по ту сторону двери студентов.

Очередь медленно потянулась вперед.

* * *

Доцент Сагрон (тот самый, что должен был у них преподавать, а на деле не провел со своей группой ни единого дня, такой нагловатый на вид и тут же покрививший сердца женской половины группы) ставил баллы по результатам письменного экзамена. Котэсса изначально заметила свою фамилию в самом-самом конце огненного списка, поэтому, устроившись в углу, пыталась отвлечься от бесконечного прокручивания билета в голове. Огненные буквы то и дело полыхали перед глазами — она видела, как быстро редет толпа. Последний день сессии, последний экзамен — никакой особой проблемы, сдали и забыли, но дурное предчувствие, засевшее в ее сознании, почему-то ну никак не желало отступить или исчезать куда-то.

Она вытянула руку, чувствуя, как магия волной проходит под кожей, — это обычно помогало. Конечно, не всегда, но все же так Котэсса чувствовала себя более уверенно. Она учила, более того, отлично знала предмет — неужели стоит переживать, когда всем легко ставят нормальные оценки?

Когда очередной двоечник из хвоста списка вылетел из кабинета, сияя от счастья и демонстрируя всем тройку в своей зачетке, наконец-то пришел ее черед. Котэсса переступила порог вполне уверенно: во-первых, доцент Ролан прекрасно ее знал и высоко оценивал уровень ее знаний, во-вторых, Элеанор всегда подчеркивала ее умения на лабораторных работах.

А Сагрону придется доказывать прямо на месте — если вдруг у него возникнут сомнения.

— Значит, староста Арко, — протянул Дэрри, развалившись на своем стуле все так же вальяжно, как и в остальное время прохождения экзамена. Котэссу это раздражало. Да, последний день сессии, смирись с жарой, вытерпи его наглость и уйди. Но замечание так и вертелось на языке.

Элеанор и Ролан не поднимали головы. Они настолько увлеклись своими расчетами, что, казалось, не были способны услышать даже взрыв в самом центре университета. Впрочем, возможно, это и оправданно: всего через полгода у Ольи защита, а значит, сейчас все время уходит на то, чтобы довести до ума полученные результаты.

Сагрон смотрел на Котэссу. Молча — казалось, время на комментарии и весь словарный запас он исчерпал уже в первом своем изречении. Ей отчаянно хотелось уйти — но она напомнила себе, что нельзя, и все так же молча смотрела на него.

Доцент Дэрри раздраженно тряхнул головой. Довольно длинные и неестественно светлые волосы (результат, наверное, колдовства, может быть, неудачный откат, хотя они и не казались седыми) почему-то придавали ему немного мистический и, пожалуй, излишне загадочный вид. Котэссе это не нравилось едва ли не больше вальяжности и наглости в каждом жесте. Она даже невольно потянулась к собственным вечно мешающим прядям ненавистного каре — но отдернула руку, выпрямилась и вновь взглянула Сагрону в глаза, заставляя себя смотреть пристально и уверенно.

— Четыре, — наконец-то протянул он. — Зачетку — и свободна.

Котэсса задохнулась от возмущения. Четыре?! Она знала предмет лучше всех в группе, и прямо у нее перед носом несколько хорошистов и один троечник, отчаянно списывающие весь экзамен, вылетели с пятеркой.

— Почему четыре?

Дэрри удивленно посмотрел на нее. Холодные и неожиданно темные глаза зло прищурились, и он криво усмехнулся.

* * *

— Что значит — почему четыре? — переспросил Сагрон, кажется выражая свое кошмарное возмущение по тому поводу, что она посмела возразить.

Котэсса не сдвинулась с места, будто бы ей и на самом деле не все равно, сколько поставят. Сагрону это не понравилось — ему казалось, что всем студентам абсолютно наплевать на оценки, а тут стоит, требует что-то, задает вопросы..

— Я уверена, что там все написано верно, — твердо промолвила девушка. — И вопрос раскрыт максимально полно, по крайней мере в пределах университетской программы. Почему четыре?

— Ты списывала, что так уверена?

— Нет. — Котэсса сложила руки на груди и твердо посмотрела на него. — Не списывала. Учила. И поэтому точно знаю, что все написано верно. И требую соответствующую оценку.

— Пятерку следует подтвердить практическими умениями.

— Вы остальных тоже просили об этом?

— Это имеет значение?

Котэсса не отреагировала. Она решительно смотрела на него, кажется, с уверенностью, что балл свой

должна получить — и именно сегодня, и, вообще, отказы не принимаются. Сагрону внезапно стало дурно от этой настойчивости. Ролан твердо сказал, что на четвертом курсе преподавать ему придется, а контакт со старостой обязан быть у каждого преподавателя. Если же тут такая староста, если она ведет себя до такой степени нагло и требует, вымогает оценки, то чем все закончится в итоге?

Он наконец-то встал, подался даже немного вперед, глядя прямо в ее глаза, и усмехнулся.

— Хорошо. Лучшая тренировка — это выполнить на практике то, что описано в теории на этом листике. Например, вдохнуть силу в заклинание, как здесь расписано.

— А разве это входит в программу третьего курса?

В голосе Котэссы слышалось некое сомнение, даже испуг, и Дэрри усмехнулся. Один этот факт уже почему-то доставил ему некоторого рода удовольствие: значит, он сумел поставить ее на место. Точно в том и была вся суть экзамена, доказать, что эта девочка, вся такая примерная и чем-то напоминающая Элеанор, списывала, самым наглым образом переписала со своего «светлячка» на лист бумаги все, что только смогла, а теперь пытается заставить его поставить пятерку.

— А разве только программой должны ограничивать знания мага? — немного удивленно полюбопытствовал он. — Как по мне — нет, отнюдь. Посему, если вы претендуете на пять, если полагаете, что у вас есть знания выше пределов, то стоит продемонстрировать этот уровень. Но если его на самом деле нет, то зачем же...

— Я готова. — Она выпрямила спину и вытянула ладонь, позволяя магии скользнуть от головы до кончиков пальцев. — Произнесите заклинание, и моя магия его оживит.

Сагрон опешил. Он был уверен в том, что девушка все-таки отступится и не станет соглашаться на безумный для третьего курса эксперимент. Это даже не магистратура! Аспирантура — да, может быть. Знание, достойное воистину архимагов, сейчас преподносилось в теории, но не в практике.

— Я б согласился на четверку, — небрежно отметил он.

— Я не трусиха, — покачала головой девушка. — И к тому же это в привычке у мужчин — отступить.

Он сжал зубы. Дерзит! Но поспорить было невозможно — сам только что обнажил свою слабость, сообщил ей об этом, а теперь чего ждет, помилования?

В голове крутилось множество заклинаний. Дать простое и успокоиться — нет, это не устраивало Сагрона. Сложное? Чтобы поставить ее на место? Но все же следует выбрать что-то неразрушительное, такое, чтобы, если вдруг у девушки все-таки получится вдохнуть хотя бы немного силы в заклинание, она не смогла ничего испортить.

Он был уже почти готов выдать достойную этой ситуации формулу, когда сила сорвалась с рук Котэссы. Удивленно вскинула голову Элеанор, как раз прочитавшая — без вложения магии — заклинание, над которым и работала в диссертации. Сагрон содрогнулся, повернулся — казалось, время замерло и для него, и для Котэссы, с чьих пальцев видимой золотой струйкой лилась сила. А потом в грудь и его, и Ролана ударил тонкий золотистый луч. Мужчины синхронно содрогнулись, отшатнулись от студентки, а Элеанор так и замерла, открыв рот, будто бы собиралась сказать что-то, но теперь не могла выдать из себя ни единого слова.

И вдруг, словно в подтверждение того, что день сегодня отвратительный, аспирантка весело рассмеялась.

— Элеанор, — прошипел Сагрон, — скажи мне, родная, над каким заклинанием ты работаешь в своей диссертации?

— О, доцент Дэрри! — сквозь смех выдавила она, отчасти пародируя собственную мать с этим ее надменным, повелительным тоном. — Вы не поверите, проклятия разряда Верности!

Котэсса у Сагрона за спиной не сдержала тихое фырканье.

Глава 2

Зачетка Котэссы так и валялась открытая на столе. Сагрон смотрел на нее отчасти ошеломленно, то и дело встряхивая головой, — но от этого, казалось, жалости в девушке не прибавилось ни на грош. Элеанор и вовсе довольно улыбалась, когда переводила на него взгляд, хотя каждый раз, когда косилась на своего научного руководителя, тяжело вздыхала — его-то ей было жаль! Нет, в принципе, Дэрри даже и не надеялся на милость со стороны дочери профессора Ольи, но Элеанор могла хотя бы сделать вид, будто бы сожалеет, что так получилось.

Но нет — она только хмыкнула, сказала, что не следовало гонять студентку по заклинаниям, не входящим в программу, и сообщила, что проклятие обладает целым рядом любопытных свойств.

— Оно смертельное? — хриловатым голосом любопытствовал Ролан, делая вид, словно у него во всем этом исключительно научный интерес. — Ведь ты так и не закончила рассказ, нас... прервали.

Сагрон уже сто раз мысленно послал его куда подальше с подбором мягких и нежных формулировок.

Если б этот... доцент находил другое время для общения со своими аспирантками, то было бы намного легче — по крайней мере уж точно обошлось без горы проклятий на его, Дэрри, бедную голову!

— Проклятие само по себе довольно безобидное, — сообщила Элеанор, но уже по ее веселой улыбке стало ясно, что это совсем не так. — Если не нарушать ряд элементарных правил, то, в принципе, его на себе можно и не ощутить. Итак, — она скрестила руки на груди, — я все еще не уверена в том, что оно подействовало сразу на двоих, но на одного из вас упало точно. — Сейчас ее тон так напоминал материнский, что Сагрону искренне захотелось ее придушить.

Профессор Ольи преподавала и у него, и у Ролана, да вообще, у кого только эта гримза не преподавала! Дэрри доселе помнил ее надменный холодный взгляд — не изменившийся с той поры, как они перешли в разряд коллег, — ее раздраженный приказной тон и студентов, разбегающихся в разные стороны, стоило только госпоже Хелене выйти в коридор. А Куоки! Тогда она не была ни доктором, ни профессором, ни проректором. Преподаватель как преподаватель! Но стоило только ей бросить из-под очков в тонкой оправе быстрый змеиный взгляд, как Куоки, будто бы тот петух, начинал хорохориться и любопытствовать, что он может ради нее сделать. Сагрон видел: дочь у нее точно такая же, и голосом похожа, и внешне, и поведение — точь-в-точь как у матушки. А ведь это не меняется! Не переучишь. И он подозревал уже, сколь несчастен будет тот мужчина, что на такой вот командирше женится. Подобные женщины не исправляются, что б ты с ними ни делал. Сагрон полагал, что пытаться и не стоит.

Потому, наверное, и студентка Арко ему не понравилась с первого взгляда. Было в ней что-то такое, как в Хелене или в Элеанор, что-то горделивое. Эти командирские нотки в голосе, гордо вскинутая голова, быстрые шаги и пристальный взгляд, от которого любому мужчине становилось не по себе, будь он хоть сто раз и умен, и начитан, и даже лучший из лучших. Мужские достоинства их не волновали — никогда подобную женщину не остановить ни силой, ни обаянием, если на самом деле она решила сражаться, а не просто притворяется. Притворяться же они, змеи, умели — хотя какие змеи? Кошки!

— Нельзя ли поскорее огласить список запрещенных действий? — раздраженно спросил он. — Потому что мне уже пора. Я сегодня спешу.

На самом деле Сагрон отлично знал, что его дождутся, когда б он ни явился, но уйти все равно хотелось. Тратить лишнее время на университет, набивший уже давно оскомину, — кому оно надо? Национальный Университет Магии — это только звучит громко и красиво, а если переходить ближе к делу, то столько лишней работы на голову падает — прямо страх...

— Ну что же... — Элеанор перешла к доске, взяла кусочек волшебного мела, но тут же отложила его. — Итак, поскольку проклятие из разряда Верности — то бишь подвид любовных, — жизни оно на самом деле не грозит. Сначала стоит огласить негативные последствия. Спектр самый разнообразный. От позеленений кожи и взращивания дополнительных, — она загибала пальцы, — хвостов, шерсти, рогов и подобных схожих по строению отростков, ну и, разумеется, полная потеря мужской силы. Действие проклятия — год. После оно теряет силу. Но если успеть нарушить за этот год прописанные постулаты, то, увы, придется ждать с момента нарушения новый год.

— Ничего смертельного, — отметил Ролан. — В любом случае, если в том, что предписывается на этот год, нет ничего криминального...

Сагрон с ним в этом плане был не согласен. Конечно, к Лантону тут никаких претензий: студентки за ним не бегают, не кокетничают, ведут себя поразительно прилично, как для современных девушек, да и вообще... Но вот самого Дэрри меньше всего устраивала потеря мужской силы. И сегодня, и через год, и вообще когда угодно. Он ведь не семидесятилетний профессор Куоки, в конце концов, да и тот строит молоденьким студенткам глазки.

Впрочем, Сагрону ничего строить не приходилось. Студентки прилипали и сами — он давно уже привык к их повышенному вниманию, периодами старался игнорировать, периодами — даже отвечал взаимностью, справедливо полагая, что ничего страшного в этом нет. Они, во-первых, совершеннолетние, во-вторых, вполне адекватные, в-третьих, это всегда — по обоюдному согласию. Да и так или иначе Сагрон предпочитал включать голову и никогда даже не приближаться к тем девицам, что учились лично у него, — потому как после проблем на занятиях не оберешься. Они будут полагать, что могут ничего не учить, а получают свои баллы просто так, за заслуги в постели. Дэрри предпочитал не смешивать работу и чувства — по крайней мере настолько, насколько получалось.

Но мало ли какие там нужны действия... Каждый вечер летать на метле, плясать под луной или, может быть, как в одном из странных новоизобретенных проклятий, стоять каждый день по семь минут на голове? В любом случае должно быть что-то неприятное и не так уж и просто выполнимое, иначе толку с него?

Впрочем, проклятия Верности в основном заключались в «не лгать супруге» и так далее. Супруги у Сагрона не было. Не лгать Котэссе? Без проблем. Он бы с удовольствием высказал ей все, что про нее сию секунду думает, только вряд ли от этого у девушки улучшится настроение.

— Итак, — продолжила Элеанор, — для того чтобы не испытать на себе негативное действие проклятия, нужно просто не изменять проклятийнику или проклятийнице. В данном случае у нас Котэсса. — Она подмигнула девушке.

— Не изменять? — уточнил Сагрон. — Не предавать и не подставлять под вражеские стрелы? Хм. Войны у нас вроде бы как нет...

— Это ведь из разряда любовных, — как ни в чем не бывало пожала плечами Элеанор. — Сами понимаете, доцент Сагрон. Потому и под изменой предполагается любовная. Грубо говоря — никаких физических контактов с противоположным полом, подразумевающих сексуальную направленность. Хотя, я думаю, не только с противоположным. Год без любовных отношений — даже поцелуев, хотя за них проклятие подразумевает меньшее наказание и считает только те, которые можно относить к страстным. Вы можете поцеловать в щеку матушку или даже коллегу, скажем, из благодарности, но при этом никакого сексуального подтекста. Спустя год все пройдет. Конечно, насколько я понимаю, измена фактически невозможна — потому как проклятие успеет среагировать еще на подлете, но... — Элеанор откашлялась. — Лично я бы воздержалась, а так...

Ролан с облегчением выдохнул.

— Ничего сверхъестественного, — промолвил он. — Проклятия, заставляющие ежедневно плясать су-

масшедшие танцы на центральной площади без одежды или даже запрещающие лгать кому-либо, разумеется, куда страшнее.

Сагрон закашлялся. Новость его, мягко говоря, ого-рошила. Любовные отношения? Верность? Кому, студентке, что даром ему не нужна, студентке, что прокля-ла его исключительно по ошибке?

— И, — прошипел он, — как сие снимается?

— Ну... — аспирантка усмехнулась и накрутила иг-риво на палец длинную прядь темных волос, словно пытаясь разозлить Сагрона еще больше.

Он отвернулся, пытаясь сконцентрироваться на чем-то другом, но на глаза то и дело попадалась не ме-нее ненавистная Котэсса.

— Разумеется, есть способ — это искренние чувст-ва, исходящие от того, кто проклинал. Но не расстра-ивайтесь. С проклинающей любые отношения любов-ного характера не запрещаются.

Арко покраснела, будто бы та свекла, и зло скрести-ла руки на груди, всем своим видом показывая, что на подобное не настроена.

— А снимается оно, сами понимаете, либо через год, либо — если вас полностью простят.

— Котэсса. — Сагрон повернулся к студентке. — Ты сильно на меня злишься?

— Прощения на словах недостаточно, — покача-ла головой Элеанор. — К тому же подобное проклятие полагает, что может сняться исключительно даром от девушки самого ценного, что у нее есть. Если этого ценного у нее нет — чаще всего в браке, разумеется, логична подобная ситуация, — то ждать придется год.

Сагрон открыл было рот, желая спросить что-то, но почему-то запнулся. Самодовольный взгляд со сто-роны аспирантки Ольи его раздражал пуще прежне-

го — хотелось немедленно уйти и больше в глаза не видеть наглости и поразительной надменности, так и полыхавшей в Элеанор. Котэсса же встала — она заняла ближайшее свободное место, когда Элеанор начала свой рассказ, — и потянулась за своей зачеткой.

— Мне пора, — промолвила она. — И я выполнила ваше задание. Поставьте, будьте добры, балл, и я уйду.

— Элеанор, — проигнорировав ее, перевел взгляд на Ольи Сагрон. — Как еще это снимается?

— Никак, — пожала плечами аспирантка. — И я б на вашем месте выполнила столь настойчивую просьбу, если вы, разумеется, не желаете лишних проблем.

— А тебя, Ролан, — он перевел взгляд на коллегу, — это нисколечко не волнует? Или, может быть, ты надеешься на благосклонность студентки?

Котэсса негромко кашлянула, словно напоминая о том, что она тоже присутствует здесь и подобное хамство терпеть не собирается.

— Будьте добры, — промолвила хриловато она, — просто поставьте мне балл в зачетку. Мне пора идти.

Он подтянул синеватую книжечку к себе, прищелкнул пальцами — перо, подарочное, тут же появилось у него в руке — и черкнул несколько ненужных, совершенно лишних, казалось, строк. Сначала хотелось поставить ей тройку — за неповиновение и вообще за все хорошее. Но Сагрон, перехватив быстрый девичий взгляд, стремительным росчерком поставил малопонятную и тяжело расшифровываемую пятерку. Котэсса схватила зачетку, даже не заглянув в нее, и, снова посмотрев на Сагрона, бросилась к двери. По правде, ее следовало бы остановить, но Дэрри даже и не дернулся: в конце концов, пусть нервничает дальше. Нет такого проклятия, которое нельзя снять. И это не может зависеть от какой-то жалкой студентки.

— Я очень сомневаюсь, — протянул Сагрон, стоило только двери за нею закрыться, — что проклятие вообще сработало. Разве проклятия Верности сами по своей структуре не направлены исключительно на одного человека?

— Ты не можешь гарантировать, что действие упало на меня, — покачал головой Ролан. — В конце концов, я сидел дальше.

— К Элеанор — ближе. Так что относительно проклятия? Может ли оно сработать на обоих одновременно? — Сагрон поднялся. — Я спешу, право слово, разберемся с этим побыстрее.

— Я уверена, — Элеанор устроилась прямо на преподавательском столе и теперь с вызовом смотрела на него, — что та, к которой вы спешите, будет просто в восторге от подобной новости и перспективы ночи, проведенной с мужчиной, у которого торчат из головы рога или вырос какой-нибудь крысиный хвост. А что уж говорить о том, если сработают наказания далее по списку? Не сомневаюсь, проклятие сумеет отомстить за каждый лишний поцелуй!

— Это не ваше дело, аспирантка Ольи.

— Почему же? — хитро любопытствовала она. — Ведь редко какому аспиранту выпадает замечательный шанс протестировать собственное проклятие! А мне вот как повезло: теперь смогу записать все побочные эффекты...

— Каким заклинанием это снимается?

Элеанор переглянулась с Роланом — и засмеялись теперь они уже вдвоем. Почему-то от такой реакции Сагрон захотелось попросту взвыть. Поразительное смешение радикальной наглости с бесцеремонностью, подобное поведение с их стороны является самым настоящим свинством! Но Элеанор — разработчик этого проклятия

или его исследователь, а значит, у нее есть прекрасный шанс рассказать ему еще и о том, как от него избавиться. Разумеется, если она в аспирантуре уже больше двух лет, то изучила свою тему вдоль и поперек. В этом-то как раз Сагрон не сомневался ни капли. В конце концов, Элеанор и вправду дочь своей матери, а значит, цепляется за знания так, как никто другой. Им ведь мало быть просто первыми, надо опередить всех настолько, чтобы до спины не добросить ни единым камнем. Умно, конечно же, но Дэрри все равно это раздражало, равно как, впрочем, большую часть мужчин в университете магии. Но НУМ — то еще заведение, в нем могут кричать, но ничего толком не сделать, и точно так же вышло и с Ольи. Профессор Хелена стала проректором беспрепятственно, равно так же ее дочь, не реагируя на завистливые и раздраженные взгляды окружающих, спокойно и гордо заполучила желанное место в аспирантуре и даже достойного научного руководителя.

И неужели ей не жаль Ролана? Он ведь ее любимый преподаватель, если не считать драгоценную мамочку, она должна была попытаться помочь хотя бы ему, да лишь по той причине, что без научного руководителя защититься нормально не получится, кем бы ни была твоя мать.

Но Ролан, впрочем, ни капельки не злился. Ему явно было абсолютно наплевать на женское внимание и прочее в том же роде. Сагрон не сомневался: все, о чем сейчас думал Лантон, это о том, как именно сработало проклятие и какие еще особенности следует высветить в диссертации. Личная жизнь у него не складывалась, по крайней мере собственная, а Сагронова интересовала меньше всего на свете.

— Я повторюся, — уверенно заявила Элеанор, от волнения даже прикусив нижнюю губу. — Это прокля-

тие можно снять только одним способом. Потому, доцент Дэрри, я б на вашем месте сейчас просто гналась бы за Котэссой, а не сидела здесь с таким самоуверенным видом.

— А как же ты, Ролан? — Сагрон перевел взгляд на коллегу, все еще до конца не веря в серьезность сложившейся ситуации. — Впрочем, для тебя — какой-то там год... В любом случае ты исключительно из научного интереса будешь искать противодействие. Скорее всего, вы уже этим занимались, а значит, что-то да есть.

— Сагрон, — серьезно промолвил Ролан, — я независим от женского внимания — и если проклятие и ударило только по кому-то одному из нас, то только по тебе, гарантирую. Можешь проверить. В конце концов, у меня полно работы, и я пережду этот год, если понадобится. Но отмени, ради Небес, свое свидание — оно тебе сейчас ну совсем не ко времени.

Дэрри встал, чувствуя, как вскипает в груди раздражение.

— Оно могло сработать только на тебе с такой же вероятностью, как и только на мне, — уверенно заявил он, обращаясь к Лантону. — А значит, я могу не беспокоиться. Котэсса стояла ближе ко мне, Элеанор — ближе к тебе, луч ударил в грудь обоим...

— Поэтому, — отметил Ролан, — я б не стал отрицать возможности, что в моем случае сработало замыкание на Элеанор.

А вот в его случае — и в этом Сагрон мог не сомневаться даже без язвительного продолжения фразы, — именно на оскорбленную, раздраженную Котэссу, которая откровенно мечтала его проклясть. Ведь Ролан не сделал ей ничего плохого, весь год старательно учил, а Дэрри, малознакомый и явно заносчивый пре-

подаватель (таковым его считали многие, а он не особо и возражал), так настоятельно пытался поставить четверку, грозил даже неудовлетворительной оценкой, и все потому, что не поверил ей с первого взгляда. Можно было, в конце концов, допустить, что девочка вполне честно, безо всякой задней мысли писала сама. А вдруг она действительно все это выучила?

Чем больше Сагрон думал о сложившейся ситуации, тем больше сходился с самим собой, тем самым, раздраженным и скептически настроенным, на мысли, что Котэсса прокляла именно его и именно так, как поведала Элеанор.

— И в любом случае, — продолжил Ролан, — как бы нас ни прокляли, я советую тебе беспокоиться в первую очередь о себе. Повторюсь, год не срок для человека, который увлечен скорее наукой, чем соблазнением всех кого не лень.

— Я не соблазняю всех... — Сагрон запнулся. Слухи о нем ходили по университету не самые приятные, по крайней мере в этом плане, и ему вдруг подумалось, что, может быть, из них и исходила ненависть со стороны профессора Хелены. Ничего противозаконного, из-за чего можно вылететь с работы, но и ничего такого, что вызывало бы хоть капельку ее понимания.

— Точно нет обратного заклинания? — совсем уж обреченно спросил он. — И вы уверены, что, к примеру, на меня не сработала волна от Элеанор? Не хотелось бы идти общаться с этой Котэссой по столь пустяковому поводу...

— Все равно будете у них преподавать, доцент Сагрон. — Элеанор соскользнула со стола. — Но если вы уж так настаиваете — так и быть, мы можем провести маленький следственный эксперимент.

Она подошла вплотную и быстро, раздраженно кривясь, поцеловала его в губы. Элеанор была красивой девушкой — красивой и недоступной, а еще с отвратительнейшим дурным характером, — и добиться от такой даже подобного поцелуя казалось просто невообразимой сложностью.

Наверное, когда-нибудь Сагрон даже гордился бы тем, что ему удалось, но сейчас, стоило только отреагировать на невинное прикосновение ее губ, стоило только податься вперед, как кожа просто невыносимо зачесалась.

Он отпрянул, вытянул руку — жжение становилось невозможным, — но на коже не было ни единого следа.

— Возможно, — предположила, довольно усмехаясь, Элеанор, — это все последствия какой-нибудь вашей врожденной болезни, но я бы все-таки приняла это за реакцию на проклятие. В конце концов, вы уже достаточно всего натворили, чтобы не получить прощения от Котэссы даже через сто лет: вы так унизили бедную девочку, пытаясь поставить ей эту четверку...

— Проклятие, — уверенно отрезал Сагрон, — сработать не могло! Проклятия Верности должны все-таки как-нибудь обосновываться и...

Элеанор не ответила. Он только зло передернул плечами и вышел из кабинета, громко хлопнув за собой дверью. Наверное, Элеанор смеялась ему в спину, но Сагрон предпочитал этого попросту не слышать. В конце концов, почешется рука и перестанет — ничего такого. Может быть, у него на что-то, да хоть на ту же семейку Ольи, пошла аллергическая реакция. А что, в этом нет ничего столь радикально неожиданного, как может показаться со стороны, семейка отвратительная! Или Элеанор наслала какое-то крат-

ковременное проклятие, которое можно снять универсальной формулой, лишь бы только проучить. Она всегда терпеть его не могла, с чего же сегодня воспылать милостью и любовью? Да и Ролан не казался расстроенным — а ведь он все-таки нормальный мужчина и должен бы понимать, что год далеко не такой уж и короткий срок. А если говорить об этом в форме принуждения, то и вовсе возникало однозначное отвращение к одной только концепции проклятия, которое кто угодно может наложить на кого угодно. Тем более на двоих одновременно!

Но упрямство потихоньку отступало. Жжение не проходило, и Сагрону не хотелось даже и думать о том, как с ним бороться. Он попробовал и универсальную формулу, и даже несколько специфических, а потом использовал одну из тех, что изобретал в юности, когда и сам учился на втором-третьем курсе, самую безотказную, ту, что не подвела его еще ни разу за долгие годы использования. Но реакции не последовало, и Дэрри просто приказал себе не реагировать. Почешется и перестанет, не в первый раз. Он участвовал и в магических сражениях, и ранили его, так что надоедливый зуд на одной руке и там, куда ударил золотистый луч, — это всего лишь неприятность откровенно временного характера.

...В преподавательской было, к счастью, тихо. Сагрон заставил себя засесть за оформление ведомостей. Если закончить сегодня, то можно не возвращаться к этому вопросу и не являться в университет ни завтра, ни послезавтра, так что он предполагал, что сможет освободиться от надоедливой работы поскорее. Видеться ни с кем с кафедры не хотелось, но тишина, царившая в коридорах родного университета, обещала одиночество.